

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

Тезаурусный анализ предромантизма

Луков Вл. А. Предромантизм: монография. М. : Наука, 2006. 683 с.

Выход в свет монографии Вл. А. Лукова «Предромантизм» — явление если не знаковое, то по меньшей мере своевременное. Столь обстоятельному анализу предромантизм еще не подвергался в отечественной науке. Объяснить недостаточность исследовательского интереса к этому важному художественно-эстетическому явлению европейской литературы и культуры XVIII — начала XIX века непросто. Необходимо помнить, что предромантизм выделен исследователями *ретроспективно*, т. е. по прошествии достаточно долгого периода изучения мирового искусства. Подобный подход не является попыткой переписать историю, а выявляет реальные тенденции развития искусства XVIII–XIX вв., в котором существовало некое переходное явление: не классицизм, не просвещение, не сентиментализм, но и не романтизм. Это переходное явление обладало собственной идейно-эстетической общностью в контексте развития европейской культуры и предшествовало такому судьбоносному событию в эволюции литературы, которое в 1827 г. Гёте в разговоре со своим

секретарем Эккерманом назвал зарождением «всемирной литературы».

Монография призвана окончательно закрепить термин «предромантизм» в отечественной науке. Любого ценителя данной культурной эпохи порадует всеобъемлющий характер монографии: рассмотрены прозаические и поэтические жанры, жанры драматургии (готический роман, поэма «поэтов-мифов», мелодрама и др.), выделены черты предромантической поэтики в творчестве ряда выдающихся писателей XVIII–XIX вв. (Руссо во Франции, Макферсона, Чаттертона, Блейка в Англии, Шиллера и Гёте в Германии и т. д.), признаки предромантизма не только в литературе, но и в театре, в музыке, живописи, архитектуре, скульптуре, в парковом искусстве и т. д.

Автор трактует предромантизм как понятие литературоведения, искусствознания, эстетики, истории культуры, обозначающее переходное эстетическое явление — незавершенную систему принципов, художественных образов, моделей повседневности, жанров, «картины мира» и средств ее выражения в европейской культуре XVIII — начала XIX века (и в отдельных регионах вне Европы), предвещающую романтизм и не-

осознанную в период своего существования ни авторами, ни публикой в качестве самостоятельного культурного феномена.

Особое внимание в монографии уделено изучению контекста, в котором предстает литература предромантизма: предромантическим идеям в философии и эстетике, предромантическим тенденциям в культуре повседневности, раскрыта связь предромантизма с направлениями и течениями в искусстве XVIII века, с последующим развитием культурного процесса (с романтизмом, реализмом XIX века).

Далеко не все исследователи, как отечественные, так и зарубежные, склонны выделять предромантизм как отдельное художественно-эстетическое явление, причисляя его к романтизму. На таком подходе, в частности, строятся некоторые университетские программы в США, где, например, творчество У. Блейка изучается в семинарах по романтизму¹.

Не во всех европейских культурах можно уверенно выделить предромантизм. Во Франции, например, он явно слабее представлен, чем в Англии, при всем значении Руссо для его оформления, более отчетливо он обнаруживается в культуре кануна и осуществления Великой Французской революции.

Сами проявления предромантизма в разных странах весьма разнородны. В английской литературе, например, предромантические тенденции обнаруживаются в синтезе поэзии и фольклорных жанров («Поэмы Оссиана» Дж. Макферсона, баллады Р. Бернса), в готическом романе (Х. Уолпол, Э. Рэдклиф), но довольно слабо в драматургии. В немецкой литературе предромантизм проявился у писателей «Бури и натиска», где драматургия занимала едва ли не самое видное место.

Объединяющим началом в западноевропейском предромантизме выступает утверждение сильного личностного начала, интерес к средневековью, эстетизация псевдоготики, поэтизация «натуральной», нетронутой культурой, цивилизацией природы и «естественного человека», сочетание «шекспиризации» и «руссоизации» в искусстве.

Как часть предромантической парадигмы Вл. А. Луков выделяет возникновение в Европе и России «культы Шекспира». Особое культурное значение при этом имело противопоставление «свободного творчества» классицистическим канонам. На русской почве, по мнению исследователя, он выразился в прозаическом переводе шекспировского «Юлия Цезаря», осуществленного Н. М. Карамзиным с подлинника (1787). Но вопрос, можно ли выделить предромантизм в русской литературе, в частности, творчестве Н. М. Карамзина или, например, Г. Р. Державина, только затронут и требует дальнейшего исследования. Однако определенные идеи, связанные с применением понятия «предромантизм» к русской культуре, в работе высказываются неоднократно, идет ли речь о драматургии (подробно проанализирована трагедия В. А. Озерова «Фингал» как пример русского «оссианизма»), о скульптуре (памятник Петру I в Санкт-Петербурге) или об архитектуре («готицизм» в проектах В. И. Баженова и М. Ф. Казакова), так что база для такого исследования намечена.

Работа над этим масштабным трудом велась исследователем более четверти века и выгодно отличается от фрагментарных исследований данного явления в отечественной науке. Чтобы убедиться в полноте исследования, достаточно заглянуть в именную указатель, включающий более 2000 имен, или в список использованной литературы, насчитывающий около 1200 наименований. 70 иллюстраций, среди которых представлены работы Дж. Б. Пиранези и Г. Робера, И. Фюссли и Б. Уэста, Ф. Гойи и В. Блейка, других художников-предромантиков, архитектурные проекты Б. Ленгли и Т. Питта, У. Бекфорда и К. Н. Леду, дополняют анализ памятников в тексте монографии. Весьма тонко рассматриваются предромантические тенденции в музыкальных произведениях представителей венской классической школы. Найдена особая форма сочетания обзорных материалов и детального исследования отдельных памятников. Среди этих «исследований случая» особенно выделяется

комплексный анализ лирической драмы Ж. Ж. Руссо «Пигмалион» — ее текста, музыки, актерской игры, оформления, костюмов, что позволило сделать вывод о принципе художественного резонанса, который вскоре был в полном объеме реализован во французской мелодраме рубежа XVIII-XIX вв. — в произведениях Пиксерекура, Кенье, Кювелье де Три.

Однако не только в этой полноте материала видится вклад ученого, но и в его обобщении на основе современной методологии гуманитарного знания. В основу работы положен, как определяет автор, баланс историко-теоретического и тезаурусного подходов, одним из авторов и разработчиков которых он и является. Эти подходы уже получили в научном сообществе широкое признание, но еще не появлялось такого масштабного исследования конкретных художественных явлений, в котором была бы так убедительно доказана плодотворность данного методологического симбиоза.

Выход исследования Вл. А. Лукова, таким образом, можно рассматривать как событие в научной и культурной жизни страны, серьезный вклад в современное гуманитарное знание. В нем не только решены

сугубо научные проблемы, но и воссоздан образ человека XVIII-XIX вв., его внешнего облика и внутреннего склада, его художественных пристрастий, чувств и мыслей. Отдельные штрихи эпохи сливаются в сознании читателя в целый мир со своими поэтами и музыкантами, философами и модельерами, со своей географией и нравами, со своими замками, музеями, театрами, с проблемами и спорами, роскошью и войнами, с книгами и картинами, словами, звуками, запахами, со своей неповторимой атмосферой.

Монография предназначена для достаточно широкого круга научных работников, преподавателей и аспирантов вузов, всех, кто интересуется историей и теорией мировой культуры. Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда (РНФ), проект №05-04-16144 д.

¹ Подобный подход, в частности, осуществлен в популярной «Пингвиновской истории литературы». См.: Crehan S. William Blake // The Penguin History of Literature. The Romantic Period / Ed. by David B. Pirie. Vol. 5. P. 117–149.

Н. В. ЗАХАРОВ